

Семёнова Н. В. Грамматическая семантика сложноподчиненного предложения с союзом непосредственного следования *едва* / Н. В. Семёнова, Н. О. Григорьева, Ж. Ю. Полежаева // Научный диалог. — 2020. — № 11. — С. 98—111. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-98-111.

Semenova, N. V., Grigorieva, N. O., Polezhaeva, Zh. Yu. (2020). Grammatical Semantics of a Complex Sentence with an Immediate Succession Conjunction “*yedva*” [hardly]. *Nauchnyi dialog*, 11: 98-111. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-98-111. (In Russ.).

УДК 811.161.1'367.7

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-98-111

ГРАММАТИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА СЛОЖНОПОДЧИНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ С СОЮЗОМ НЕПОСРЕДСТВЕННОГО СЛЕДОВАНИЯ *ЕДВА*

© Семёнова Наталья Владимировна (2020), orcid.org/0000-0002-3811-1764, ResearcherID 57192383772, SPIN 7609-1514, доктор филологических наук, профессор кафедры языковой подготовки, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации»; профессор Высшей школы лингводидактики и перевода, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого» (Санкт-Петербург, Россия), nvsemenova@mail.ru.

© Григорьева Надежда Олеговна (2020), orcid.org/0000-0002-5165-8668, ResearcherID 57194237926, SPIN 2311-7350, кандидат филологических наук, доцент кафедры языковой подготовки, доцент кафедры теории языка и русского языка, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет» (Ростов-на-Дону, Россия), nreg25@yandex.ru.

© Полежаева Жанна Юрьевна (2020), orcid.org/0000-0002-8158-6992, ResearcherID 5719592131, SPIN 1676-1221, кандидат филологических наук, доцент отдела по работе с иностранными студентами, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации (Кемерово, Россия), zhpolezhaeva@mail.ru.

Изучается вопрос о квалификации значения союзных средств, которые в традиционной грамматике определяются как синтаксические маркеры «непосредственного» или «быстрого» следования, а в части корпусных исследований рассматриваются в качестве коннекторов «непосредственного предшествования». Объектом исследования были выбраны сложноподчиненные предложения с союзом *едва*. Проанализированы типы таксисных отношений, которые выражаются в таких предложениях. Исследование показало, что грамматическая семантика предложений с союзом «непосредственного следования» определяется целым комплексом категориальных признаков, важнейшим из которых является языковое представление времени в событиях. Данный признак — показатель категории временного порядка. Установлено, что рассматриваемые предложения

сигнализируют о «нарушении естественного хода событий», причем маркером такого «сбоя» является союз *едва*. Его семантическая функция, считают авторы, осложняется метасмыслом «преувеличение», что свидетельствует об особой коммуникативной установке говорящего. Актуальность исследования состоит в последовательной функционально-семантической интерпретации грамматических явлений. Такая интерпретация обязательно учитывает сложившуюся грамматическую традицию рассмотрения синтаксических единиц. В контексте современных лингвистических изысканий научная преемственность исследовательских парадигм представляется чрезвычайно важной.

Ключевые слова: сложноподчиненные предложения; грамматика; семантика; союз *едва*; таксис; временной порядок.

1. Вводные замечания

Объектом предлагаемого анализа являются русские сложноподчиненные предложения (СПП) со значением следования, передающие информацию о быстрой смене событий, или ситуаций, обозначаемых в придаточном и главном предложениях. Напомним, что специальным маркером такого «положения дел» являются однословные и неоднословные союзные средства типа *едва*, *только*, *как только*, *чуть только*, *едва только*, *едва лишь* и под., употребляемые в придаточной части, из-за чего, собственно, они и получили в традиционной грамматике наименование союзов «непосредственного» или «быстрого» следования [Русская грамматика, 1980; Дудко, 2007]. Уточняя круг анализируемых явлений, отметим, что мы остановимся только на группе предложений с союзом *едва*. Предметом же особого нашего внимания будет грамматическая семантика, точнее — квалификация актуализируемой в данных предложениях категориальной семантики.

Такая постановка вопроса неслучайна: в последнее время в отечественной научной печати появился ряд работ, в которых ставится под сомнение общее грамматическое значение союзов непосредственного следования: акцент предложено перенести на предшествование, а сами подобные союзные средства рассматривать в качестве коннекторов специфического таксисного значения «контактного предшествования», актуализируемого в СПП. Эта точка зрения была пунктирно намечена в работе «Типология таксисных конструкций» [Типология ..., 2009], а затем аргументирована в недавно вышедших статьях М. Е. Кидановой [Киданова, 2017], И. М. Кобозевой [Кобозева, 2019] и др. На наш взгляд, речь в данном случае идет не просто о смене традиционной терминологии, которая была предложена авторами «Русской грамматики» еще в 1980 году, но о смене исследовательских парадигм. С одной стороны, предложенная В. С. Храковским в [Типология ..., 2009] шкала таксисных значений, куда так удачно вписываются союзы непосредственного следования, — это теория функциональной грамматики в ее типологическом ответвлении; с другой сторо-

ны, привлекаемый для подтверждения своей концепции И. В. Кобозевой иллюстративный материал — это корпусные и надкорпусные исследования, имеющие выход в чрезвычайно популярную и актуальную сейчас компьютерную лингвистику. И тут возникает вполне резонный вопрос о том, насколько традиционные грамматические изыскания соответствуют новейшим теоретическим направлениям, причем не только на уровне используемого терминологического аппарата, но и на уровне квалификации грамматической семантики языковых явлений. Всегда ли они противоречат друг другу, причем до такой степени, что мы меняем акцент в их трактовке практически до «наоборот»? Поскольку авторы данной статьи специально занимались исследованием категориальных единств, имеющих непосредственное отношение к объекту и предмету настоящего анализа (см., например: [Семенова, 2004; Григорьева, 2013; Semenova et al., 2017]), постольку мы считаем возможным попытаться дать ответ на поставленные вопросы, а также представить свой взгляд на проблему переименования союзов непосредственного, или быстрого, следования в «коннекторы, выражающие отношение непосредственного предшествования одного события другому» [Кобозева, 2019] или средства выражения особого таксисного значения — «контактного предшествования» [Храковский, 2009].

Итак, основная цель исследования — определить категориальную принадлежность значений, актуализаторами которых выступают русские СПП с однословным союзом непосредственного следования *едва*. В качестве дополнительной иллюстрации мы выборочно привлекаем предложения и с неоднословным союзным средством типа *едва только*, *едва лишь*. Основной метод исследования — функционально-семантический. При этом руководствоваться далее мы будем двумя методологическими принципами: 1) при анализе любой семантической функции, любого значения языкового средства, участвующего в актуализации какой-либо функционально-семантической категории, последовательно придерживаться основных положений теории функционально-семантических полей, имеющей длительную традицию разработки и изучения; 2) устанавливая закономерности выражения того или иного значения функционально-семантической категории, входящей в состав поликатегориальных семантических единств, учитывать особенности ее межкатегориального взаимодействия с однопорядковыми функционально-семантическими категориями.

Естественно, что для полноты описания языковых явлений мы будем учитывать достижения и других грамматических концепций, в частности, идею трехаспектности предложения, впервые высказанную Ф. Данешем [Daneš, 1964] и воплощенную на русском синтаксическом материа-

ле В. А. Белошапковой. Как известно, считая трехаспектность организующим началом синтаксической науки, В. А. Белошапкова подчеркивала: «... предложение в понимании современной синтаксической науки — сложное явление, которое соединяет в себе три синтаксических объекта: 1) формальную устроенность, 2) семантическую структуру, 3) коммуникативную устроенность» [Белошапкова, 1977, с. 82—83].

В качестве фактического материала мы используем данные Национального корпуса русского языка [НКРЯ].

2. Основные положения

2.1. Грамматическая характеристика СПП с союзом *едва*

В современном русском языке существует довольно разветвленная система союзных средств, участвующих в передаче значения «непосредственного» или «быстрого» следования. Это и многокомпонентные союзы типа *как только, лишь только, едва только, едва лишь*, и однокомпонентные типа *только, лишь, чуть, едва*. Относительно грамматического статуса последней группы имеются расхождения: очень часто их именуют союзными частицами, и такая точка зрения вполне обоснованна, поскольку все эти слова, согласно словарным данным, многозначны, и в качестве одного из значений, а точнее — первого, фиксируются частицами [БТСРЯ, 2004]. Союз *едва*, как, впрочем, и *чуть*, в этой группе несколько выделяется, поскольку образуется на базе не частицы, а наречия. Именно поэтому он, наверное, во многих случаях сохраняет этимологически первичное значение указания на «неполноту обстоятельств проявления действия или признака», которое, хотя и не напрямую, но все же может быть соотнесено с диминутивностью.

Гетерогенный частеречный характер рассматриваемых служебных средств, а также выполняемая ими основная функция — служить средством связи частей предложения — позволяют включать их в класс лингвистических коннекторов [Uguzon, 2013; Кобозева, 2019]. А любой коннектор, как известно, служит средством определенной связи. Каков же характер этой связи в СПП с союзом *едва*?

В «Русской грамматике» [Русская грамматика, 1980] предложения с союзом *едва* квалифицируются как имеющие значения быстрого, непосредственного следования описываемых событий при минимальном временном интервале между ними. Но при этом отмечается, что придаточная часть, содержащая союз *едва*, всегда эксплицирует ситуацию, предшествующую той, которая обозначается в главной части СПП. Последовательность частей СПП, как правило, ико-

нически отображает порядок описываемых событий, однако иконичность может быть и не соблюдена, что не мешает, тем не менее, описанию предшествующего события именно в придаточной части. Ср.: *Едва вертолёт приземлился на мыс Фонтвий, мне сделалось как-то трогательно* (Анна Карабаш. Три дня в Монако // «Домовой», 2002.02.04) [НКРЯ].

Следует отметить, что очень часто коннектор *едва* функционирует при поддержке союза *как* в главной части. Например: *Едва только записал Нержин этот вывод на клочке бумажки, как его и арестовали* (Александр Солженицын. В круге первом, т. 1, гл. 1—25 (1968) // «Новый Мир», 1990) [НКРЯ].

В теории ФСП актуализируемая в данных предложениях семантика определяется как область таксисных отношений одновременности (последовательности), которые схематично можно представить посредством схемы таксисной последовательности (рис. 1). Мы используем в измененном виде схему, предложенную в [Богуславский, 1996; Кобозева, 2019]. Стрелка указывает на ось времени, P_1 — на предшествующую ситуацию, P_2 — последующую, а I — на интервал между ними.

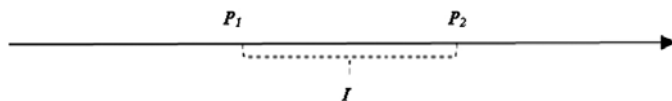

Рис. 1. Схема таксисной последовательности

Интервал I между ситуациями P_1 и P_2 маркируется коннектором *едва* и квалифицируется либо как «нулевой», либо как «минимальный», то есть такой «временной промежуток, величиной которого можно пренебречь» [Богуславский, 1996, с. 52]. Такие трактовки выводят нас на модальный компонент значения *едва*, причем на тот, который относится к области субъективной модальности, подпадающей под сферу проявления модусного плана предложения-высказывания.

2.2. Семантическая и коммуникативная характеристика СПИ с союзом *едва*

Актуализация модусных смыслов затрагивает разные параметры предложения-высказывания. Она может существенно влиять на его модальную квалификацию. В этом случае речь идет о метасмыслах, основная функция которых — информация о языке речевого произведения. К таковым, в частности, относится и метасмысл «преувеличение», к показателям которого, но весьма своеобразно, по нашему глубокому убеждению, относится и коннектор *едва*.

Средства выражения метасмысла «преувеличение» в современном русском языке блестяще описала Т. В. Шмелёва, которая отметила: «Тень преувеличения постоянно присутствует в сознании говорящего/пишущего, но эксплицируется он только тогда, когда есть риск преувеличения, и опасения автора, связанные с этим аспектом речевого поведения, приобретают обоснованность. Это случается при выражении относительных оценок, существо которых состоит в “помещении” оцениваемого объекта на аксиологической шкале с отметками, фиксирующими “количества” признака или качества: слегка, в меру, не очень, очень, крайне, слишком, чрезвычайно, чересчур и под.» [Шмелёва, 1998, с. 68]. Подобные оценки рискованны, а «выражаемые ими степени относятся скорее к “градусам” человеческих эмоций, чем к свойству объекта» [Арутюнова, 1983, с. 334]. Иными словами, метасмысл преувеличение получает специальное вербальное выражение в том случае, когда некая относительная, мы бы сказали — естественная, норма с точки зрения говорящего / пишущего в предложении нарушается, количество или качество оказываются слишком преувеличенными, а потому говорящий / пишущий стремится сделать своеобразную оговорку по поводу преувеличения. Особенно отчетливо это, кстати, ощущается в том случае, когда *едва* выступает не в союзном употреблении, а в значении наречия или частицы, ср.: *Это была адская минута моей едва начавшейся светской жизни* (Алексей Щеглов. Фаина Раневская: вся жизнь, 2003) [НКРЯ].

Однако и при союзном употреблении *едва* явно будет указывать на преувеличение: на самом деле интервал между следующими друг за другом ситуациями может быть чрезвычайно большим, на что указывает лексическое значение глагола-предиката придаточного предложения. Это ярко демонстрируют примеры, в которых предшествующее действие обозначается фазовым глаголом. Ср.: *Едва Иван Дмитриевич начал всех подряд распрашивать об этой парочке из соседнего с Куколевым номера, потянулась все та же бестолковщина: не хромые, не кривые, руки-ноги на месте, у дамы лицо под сеткой* (Леонид Юзефович. Дом свиданий, 2001) [НКРЯ].

«Оговорки по поводу преувеличения», — отмечает Т. В. Шмелёва, — «бывают двух типов: смысл одних — «я преувеличиваю, понимаю это и считаю извинительным / оправданным в данном случае»; других — «я не преувеличиваю, ситуация действительно такова» [Шмелёва, 1998, с. 68]. Соответственно, можно выделить целую парадигму средств, крайние позиции в которой займут единицы, сигнализирующие: 1) об авторской осторожности — таковым будет, по мнению Т. В. Шмелевой, слово *пожалуй*; 2) об авторской, наоборот, решимости — таковым будет слово *буквально*.

Коннектор *едва* будет занимать в этой парадигме не тождественную, но очень близкую позицию к слову *буквально*. Это означает, что говорящий / пишущий, используя союз *едва*, уверен, что он несколько не преувеличивает. Однако это — его уверенность, его оценка, относящаяся, как и всякая оценка, к модусной рамке предложения-высказывания.

Диктумное же соотношение в СПП с коннектором *едва* однозначно: это последовательные, точнее — одновременные, ситуации P_1 и P_2 , осуществляемые через сколько бы он ни был малым, но все-таки существующий временной промежуток I . Причем совершенно естественно, что ситуация P_1 предшествует P_2 , а P_2 следует за P_1 .

Обращение к диктум-модусному устройению предложения неизбежно приводит нас к анализу его пропозитивной структуры и соотносению понятия «пропозиция» с категориальной семантикой таксиса. В этом плане следует сказать, что изначальная формулировка, предложенная в качестве определения термина *таксис* в теории ФСП, оперировавшая понятием «полипредикативная единица», в свое время была уточнена с учетом положений семантического синтаксиса [Храковский, 2003; Семенова, 2004], и сейчас мы имеем следующее его определение: «Таксис — это функционально-семантическая категория, которая реализуется в бипропозитивных (и, шире, полипропозитивных) конструкциях, где различными грамматическими средствами маркируется временная локализация (одновременность / неодновременность: предшествование, следование) одной ситуации P_1 относительно другой ситуации P_2 , чья временная локализация характеризуется относительно времени речи, т. е. независимо от какой-либо еще ситуации P_n » [Храковский, 2009, с. 866]. Теперь попытаемся ответить на вопрос, влияет ли наличие в полипропозитивной конструкции коннектора *едва*, входящего в орбиту метасмысла «преувеличение», на интерпретацию актуализируемого таксисного значения.

Но прежде зададимся еще одним вопросом: с какой целью говорящий-пишущий вообще вводит оговорки по поводу преувеличения в предложение? Смеем предположить, для того, чтобы отправить определенный сигнал слушающему / читающему о чем-то очень важном, ради чего и создается данное речевое произведение. Принимая это утверждение, мы так или иначе переключаемся на когнитивно-семантический анализ, при котором «во главу угла ставится замысел говорящего, который реализуется в конкретных условиях коммуникативной ситуации на данном шаге развития дискурса в виде той или иной дискурсивной единицы (ДЕ), в нашем случае в виде СП (сложного предложения. — Н. С., Н. Г., Ж. П.), описывающего два события, одно из которых непосредственно следовало за другим» [Ко-

бозева, 2019, с. 98]. В этом замысле, добавляет И. М. Кобозева, огромную роль играют «знания типовых сценариев развития событий (скриптов)» [Кобозева, 2019, с. 99].

Отметим, что типовой сценарий для СПП с союзами следования — это смена ситуации P_1 ситуацией P_2 , однако особенность предложений с союзами «непосредственного следования», в том числе и *едва*, заключается как раз в том, что они, по нашему мнению, сигнализируют о нарушении этого типового сценария. Коннектор *едва*, обозначая минимальный временной промежуток I , предшествующий ситуации P_2 , тем самым профилирует саму эту ситуацию (P_2), которая в силу быстрого своего осуществления нарушает естественный ход событий. Неслучайно поэтому в главной части СПП очень часто встречаются лексические показатели типа *вдруг*, *внезапно* и под. Например: *На обратном пути, едва мы вышли из подъезда, я вдруг почувствовал, что за нами следят, и настороженно замер* (Михаил Елизаров. Библиотекарь, 2007) [НКРЯ].

Итак, признавая, что в фокусе внимания в СПП с коннектором *едва* находится именно вторая ситуация, мы должны признать и то, что сам коннектор *едва* в таком случае является маркером особого таксисного отношения. А. В. Бондарко предлагал называть его сукцессивностью, указывая при этом, что речь в данном случае должна идти о включении таксисных конструкций на правах «строительных» элементов в состав категории более высокого ранга — временного порядка.

Термин *сукцессивность* был заимствован А. В. Бондарко из [Galton, 1976, с. 11—12]. Сам же временной порядок был определен им «как отражаемое в высказывании и целостном тексте языковое представление “времени в событиях”, т. е. представление временной оси, репрезентируемой событиями, процессами, состояниями, обозначениями моментов времени и интервала (на другой день, через пять минут и т. п.)», а структура временного порядка предполагает, по его мнению, «различные комбинации динамичности / статичности. Эта оппозиция строится на основе семантических признаков “возникновение новой ситуации” (ВНС) — “данная ситуация” (ДС) и таксисных признаков сукцессивности / simultанности» [Бондарко, 1996, с. 6—7].

Из приведенных определений видно, что квалификативные характеристики «предшествование» и «следование» по отношению к таксису автор теории ФСП в более поздних работах исключал, отдавая предпочтение таким, как «сукцессивность» и «simultанность». Надо сказать, что соответствующие термины распространены были им и на временной порядок. «Когда речь идет об отношениях сукцессивности / simultанности в от-

дельных предложениях, фактически предметом анализа является прежде всего таксис, — писал А. В. Бондарко. — Однако если учесть, что подобные отношения включаются в структуру целостного текста как элементы различных сочетаний ВНС и ДС, динамичности и статичности, то становится ясным, что анализируемые отношения должны рассматриваться и в связи с проблематикой временного порядка» [Бондарко, 1996, с. 8].

3. Функционально-семантическая характеристика СПП с союзом *едва*

Учитывая сказанное, мы можем заключить следующее.

1) СПП с коннектором *едва* осложняются модусным метасмыслом «преувеличение», который, согласно «замыслу автора», актуализируется в случае акцентирования именно последующего, обладающего наибольшей информативной значимостью, быстро наступающего события.

2) Таксисные ситуации, актуализируемые в подобных сложных предложениях, являются фрагментами функционально-семантической категории временного порядка, а следовательно, должны рассматриваться в более широком контексте.

3) В структуре временного порядка быстро сменяющаяся ситуация P_2 ситуацию P_1 может быть интерпретирована как элемент «возникновение новой ситуации» (ВНС), причем эта ситуация нарушает естественный ход событий во времени. Она как элемент ВНС_n, естественно, может включаться в ряд предыдущих или последующих ВНС, но в любом случае будет свидетельствовать о прекращении «нормального» хода событий. Именно в этом, на наш взгляд, заключается логико-семантическая функция коннектора *едва*, сигнализирующего о чрезвычайно коротком временном интервале I между ситуациями P_1 и P_2 . Это легко подтверждается теми же примерами, которые мы приводили выше, но в более широком контексте.

Возникновение новой ситуации, знаменующее собой нарушение естественного хода событий, кстати, может быть интерпретировано как «сбой», «эксцесс», «непредсказуемое событие» и под.

Для наглядности, представим схематично категориальные отношения, которые актуализируются всякий раз, когда говорящий / пишущий использует СПП с коннекторами *едва*. По сути, это схема фрагмента временного порядка (рис. 2).

На схеме (рис. 2) стрелка указывает на ось времени, P_1 — на предшествующую ситуацию, P_2 — последующую, а I — на интервал между ними. Данные маркеры имеют отношение к сфере таксиса, причем эксплицируют таксисный признак «сукцессивность». ВНС («возникновение новой ситуации») и

ДС («данная ситуация») являются семантическими признаками категории «временной порядок» и обозначают следующие друг за другом события.

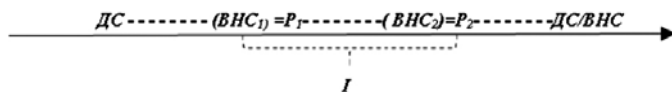

Рис. 2. Таксисная ситуация как фрагмент «временного порядка»

4. Выводы

Итак, проведенный анализ показывает, что грамматическая семантика СПП с союзом непосредственного следования *едва* определяется целым комплексом категориальных признаков. Если строго придерживаться функционально-семантической интерпретации рассматриваемых языковых явлений, то следует признать, что эти СПП выражают особые таксисные отношения сукцессивности, одновременно сигнализируя о проявлении и другой категории — временного порядка. Данная категория являет себя здесь своим особым значением, которое квалифицируется как «нарушение естественного хода событий». При этом именно союзу *едва* отводится роль маркера «сбой», причем такого, который детерминирован коммуникативной установкой говорящего. Об этом свидетельствует метасмысл «преувеличение», актуализируемый в пропозиции сложного предложения, а точнее — оговорка по поводу такого преувеличения. Возможно, «предрасположенность» к выражению модусных значений союз *едва* сохраняет этимологически, ведь его исходное частеречное (а именно: наречное) тяготеет к диминутивности.

Учитывая данные факты, мы считаем, что нет никакой неточности в том, что союз *едва* в традиционной грамматике именуется «союзом непосредственного (или быстрого) следования», наоборот, новые теоретические концепции как раз подтверждают это тонкое наблюдение авторов «Русской грамматики» [Русская грамматика, 1980]. Коммуникативной сбой, на который указывает союз *едва*, в когнитивной проекции может рассматриваться как акцент именно на последующей, а не на предшествующей ситуации. Период между осуществлением двух ситуаций в этом типе СПП, сколь бы малым он ни был, все равно есть. Им можно, по меткому выражению И. Богуславского, пренебречь, но подобное пренебрежение предполагает кого-то, кто имеет определенную установку на обозначение в речи сверхкраткого временного периода, а это уже относится к области модуса, но никак не диктума. Для таксиса же диктумное соотношение категориально релевантно. Поэтому мы сомневаемся в целесообразности

выделения особого таксисного значения «контактного предшествования» и приписывании союзу *едва* спорной семантической функции.

Актуальность проведенного исследования видится нам в последовательном функционально-семантическом анализе рассматриваемых СПП с учетом всех компонентов его пропозитивной рамки. Особый акцент — в силу специфики выбранного объекта изучения — мы поставили на модусном компоненте и считаем, что подобные исследования имеют определенную научную перспективу. Модусный компонент уникален для каждого языка. В своем исследовании мы пытались показать, насколько он «работает» в русском речевом произведении, но полагаем, что перспектива изучения модусных смыслов и метасмыслов в связи с анализом функционально-семантических категорий и функционально-семантических полей на материале других языков весьма привлекательна. Если не учитывать этот важнейший компонент содержательной структуры предложения, то многие семантические и даже структурные феномены сложных синтаксических единиц останутся за пределами внимания, и грамматическая их характеристика будет неполной.

Источники и принятые сокращения

1. БТСРЯ — *Большой* толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. — Санкт-Петербург : Норинт, 2004. — 1534 с.
2. НКРЯ — *Национальный* корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru/new>.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Сравнительная оценка ситуаций / Н. Д. Арутюнова // Известия АН СССР. Серия: Литература и язык. — 1983. — Т. 42, вып. 4. — С. 330—341.
2. Белошапкина В. А. Современный русский язык. Синтаксис / В. А. Белошапкина. — Москва : Высшая школа, 1977. — 278 с.
3. Богуславский И. М. Сфера действия лексических единиц / И. М. Богуславский. — Москва : Школа Языки русской культуры, 1996. — 464 с.
4. Бондарко А. В. Категория временного порядка и функции глагольных форм вида и времени в высказывании (на материале русского языка) / А. В. Бондарко // Межкатегориальные связи в грамматике. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1996. — С. 6—21.
5. Григорьева Н. О. Конструкции с полифункциональными служебными словами: текстовый потенциал / Н. О. Григорьева // Медиалингвистика. — 2013. — № 2. — С. 134—137.
6. Дудко Л. Н. О семантике и особенностях функционирования союзов быстрого следования в современном русском языке / Л. Н. Дудко // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. — 2007. — № 3—2. — С. 129—135.

7. Киданова М. Е. Корпусное исследование структуры составных коннекторов, выражающих отношение контактного предшествования / М. Е. Киданова // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. — 2017. — № 4. — С. 209—221.
8. Кобозева И. Коннекторы, выражающие отношение непосредственного предшествования одного события другому / И. Кобозева // Структура коннекторов и методы ее описания / под ред. О. Ю. Иньковой. — Москва : ТОРУС ПРЕСС, 2019. — С. 87—117.
9. Русская грамматика : в 2 томах. Т. 2. Синтаксис / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. — Москва : Наука, 1980. — 709 с.
10. Семенова Н. В. Категория таксиса в современном русском языке : автореферат диссертации ... доктора филологических наук / Н. В. Семенова. — Москва, 2004. — 46 с.
11. Типология таксисных конструкций / отв. ред. В. С. Храковский. — Москва : Знак, 2009. — 906 с.
12. Храковский В. С. Анкета для описания таксисных конструкций / В. С. Храковский // Типология таксисных конструкций. — Москва : Знак, 2009. — С. 865—882.
13. Храковский В. С. Категория таксиса (общая характеристика) / В. С. Храковский // Вопросы языкознания. — 2003. — № 2. — С. 32—54.
14. Шмелёва Т. В. Средства выражения метасмысла преувеличение / Т. В. Шмелёва // Культура речи : сб. ст. и материалы. — Великий Новгород : Новгород. регион. центр развития образования, 1998. — С. 66—75.
15. Daneš F. A Three-Level Approach to Syntax / F. Daneš // Travaux linguistiques de Prague (L'École de Prague d'aujourd'hui). — Prague : Academia, 1964. — P. 225—240.
16. Galton H. The main functions of the Slavic verbal aspects / H. Galton. — Skopje : Macedonian Academy of Sciences and Arts Skopje, Univerzitetaska pechatnitsa "Kiril i Metodij", 1976. — 310 p.
17. Semenova N. The subjective time in a sentence / N. Semenova, N. Grigoryeva // XLinguae Journal. — 2017. — Vol. 10, Iss. 2. — P. 101—111. — DOI: 10.18355/XL.2017.10.02.09.
18. Uryson E. Conjunctions, Contehtualizers, and Syntah Theory / E. Uryson // Studie z aplikovane lingvistiky = Studies in applied linguistics (SALi). — 2013. — № 1. — P. 7—20.

GRAMMATICAL SEMANTICS OF A COMPLEX SENTENCE WITH AN IMMEDIATE SUCCESSION CONJUNCTION “YEDVA” [HARDLY]

© **Natalia V. Semenova (2020)**, orcid.org/0000-0002-3811-1764, ResearcherID 57192383772, SPIN 7609-1514, Doctor of Philology, Professor, Department of Language Training, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Saint-Petersburg State University of Civil Aviation”; Professor, Higher School of Linguodidactics and Translation, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russia), nvsemenova@mail.ru.

© **Nadezhda O. Grigorieva (2020)**, orcid.org/0000-0002-5165-8668, ResearcherID 57194237926, SPIN 2311-7350, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Language Training, Associate Professor, Department of Theory of Language and Russian Language, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia), nreg25@yandex.ru.

© **Zhanna Yu. Polezhaeva (2020)**, orcid.org/0000-0002-8158-6992, ResearcherID 5719592131, SPIN 1676-1221, PhD in Philology, Associate Professor, Department for Work with Foreign Students, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education

“Kemerovo State Medical University” of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation (Kemerovo, Russia), zhpolezhaeva@mail.ru.

The question of qualifying the meaning of allied means, which in traditional grammar are defined as syntactic markers of “immediate” or “fast” succession, and in the part of corpus studies are considered as connectors of “immediate succession”, is studied. Complex sentences with a conjunction “yedva” [hardly] is the object of the study. The types of taxis relations that are expressed in such sentences are analyzed. The research has shown that the grammatical semantics of sentences with the conjunction of “immediate succession” is determined by a whole complex of categorical features, the most important of which is the linguistic representation of time in events. This feature is an indicator of the category of the time order. It was found that the sentences under consideration signal “disturbance of the natural course of events”, and the marker of such a “failure” is a conjunction “yedva” [hardly]. The authors believe that its semantic function, is complicated by the meta-meaning “exaggeration”, which indicates a special communicative attitude of the speaker. The relevance of the research lies in the consistent functional and semantic interpretation of grammatical phenomena. Such interpretation takes into account the established grammatical tradition of considering syntactic units. In the context of modern linguistic research, the scientific continuity of research paradigms is extremely important.

Key words: complex sentences; grammar; semantics; conjunction hardly; taxis; time order.

MATERIAL RESOURCES

- BTSRYa — Kuznetsova, S. A. (ed.). (2004). *Bolshoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Great Dictionary of Russian language]. Sankt-Peterburg: Norint. 1534 p. (In Russ.).
- NKRYa — *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed 21.08.2020). (In Russ.).

REFERENCES

- Arutyunova, N. D. (1983). Sravnitel'naya otsenka situatsiy [Comparative assessment of situations]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya: Literatura i yazyk* [News of the USSR Academy of Sciences. Series: Literature and Language], 42 (4): 330—341. (In Russ.).
- Beloshapkova, V. A. (1977). *Sovremennyy russkiy yazyk. Sintaksis* [Modern Russian language. Syntax]. Moskva: Vysshaya shkola. 278 p. (In Russ.).
- Boguslavskiy, I. M. (1996). *Sfera deystviya leksicheskikh edinit* [Scope of lexical units]. Moskva: Shkola Yazyki russkoy kultury. 464 p. (In Russ.).
- Bondarko, A.V. (1996). Kategoriya vremennogo poryadka i funktsii glagolnykh form vida i vremeni v vyskazyvanii (na materiale russkogo yazyka) [The category of the temporal order and function of the verb forms of the form and tense in the utterance (based on the material of the Russian language)]. In: *Mezhkategorialnye svyazi v grammatike* [Intercategorical connections in grammar]. Sankt-Peterburg: Dmitriy Bulanin. 6—21. (In Russ.).
- Daneš F. (1964). A Three-Level Approach to Syntax. In: *Travaux linguistiques de Prague (L'École de Prague d'aujourd'hui)*. Prague: Academia. 1. 225—240.
- Galton, H. (1976). *The main functions of the Slavic verbal aspects*. Skopje: Macedonian Academy of Sciences and Arts Skopje, Univerzitetaska pechatitsa “Kiril i Metodij”. 310 p.
- Grigoryeva, N. O. (2013). Konstruktsii s polifunksionalnymi sluzhebnyimi slovami: tekstovyy potential [Constructions with polyfunctional service words: text potential]. *Medialingvistika* [Medialinguistics], 2: 134—137. (In Russ.).

- Dudko, L. N. (2007). O semantike i osobennostyakh funktsionirovaniya soyuzov bystrogo sledovaniya v sovremennom russkom yazyke [On semantics of modern russian conjunctions expressing rapid change of events]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika* [Bulletin of St. Petersburg University. Series Philology. Oriental studies. Journalism], 3—2: 129—135. (In Russ.).
- Kidanova, M. E. (2017). Korpusnoye issledovanie struktury sostavnykh konnektorov, vyrazhayushchikh otnoshenie kontaktnogo predshestvovaniya [Corpus study of the structure of composite connectors, denoting the relation of contact precedence]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya Filologiya* [Moscow University Bulletin. Series Philology], 4: 209—221. (In Russ.).
- Khrakovskiy, V. S. (2003). Kategoriya taksisa (obshchaya kharakteristika) [Taxis category (general characteristics)]. *Voprosy yazykoznavniya* [Questions of linguistics], 2: 32—54. (In Russ.).
- Khrakovskiy, V. S. (2009). Anketa dlya opisaniya taksisnykh konstruksiy [Form for the description of taxis structures]. In: *Tipologiya taksisnykh konstruksiy* [Taxis typology]. Moskva: Znack. 865—882.
- Khrakovskiy, V. S. (ed.). (2009). Tipologiya taksisnykh konstruksiy [Taxis typology]. Moskva: Znack. 906 p. (In Russ.).
- Kobozeva, I. (2019). Konnektory, vyrazhayushchie otnoshenie neposredstvennogo predshestvovaniya odnogo sobytiya drugomu [Connectors expressing the relationship of immediate precedence of one event to another]. In: *Struktura konnektorov i metody ee opisaniya* [Structure of connectors and methods of its description]. Moskva: TORUS PRESS. 87—117. (In Russ.).
- Semenova, N. V. (2004). *Kategoriya taksisa v sovremennom russkom yazyke*: author's abstract of Doct. Diss [Taxis category in modern Russian, author's abstract of Doct. Diss]. Moskva. 46 p. (In Russ.).
- Semenova, N., Grigoryeva, N. (2017). The subjective time in a sentence. *XLinguae Journal*, 10/2: 101—111. DOI: 10.18355/XL.2017.10.02.09.
- Shmeleva, T. V. (1998). Sredstva vyrazheniya metasmysla preuvelichenie [Means of expressing metasense exaggeration]. In: *Kultura rechi* [Culture of speech]. Velikiy Novgorod. 66—75. (In Russ.).
- Shvedova, N. Yu. (eds.). (1980). *Russkaya grammatika. Sintaksis* [Russian grammar. Syntax]. Moskva: Nauka. 2/2. 709 p. (In Russ.).
- Uryson, E. (2013). Conjunctions, Contehtualizers, and Syntah Theory. In: *Studie z aplikovane lingvistiky (Studies in applied linguistics (SALi), 1: 7—20.*